

С. Т. Аксанов.
Фотография
Бергнера
1856 г.

АКСАКОВСКИЙ ОКОЕМ

дательским центром «Искусство» (М. 1991).

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ типу, позитивистский по духу творческий русский Фауст — Николай Яковлевич Данилевский — «Россия и Европа» (1868) недаром сравнивают с «Закатом Европы» О. Шпенглера. И тут, и там представлен об истории как об одностороннем потоке, замкнутой на себя системе, в свою очередь разделенной на непроницаемые национально-культурные сферы. И тут, и там самоизоляция, внутренняя отчужденность авторов от научной, философской среды атмосфера таинственности, окружавшей процесс создания рукописи. Так ученые книги не пишутся — без предварительного обсуждения, «монологично»; та пишутся книги художественные или мистические. Ни Данилевский, ни Шпенглер мистиками не были, но некий пророческий смысл своему творчеству они приписывали. К ним равно приложима ироническая рецензия Г. Гессе на «Закат Европы»: главный недостаток этой книги не в том, что ее автор переврал все факты (в конце концов таков удел любого историка), и не в том, что он шовинист (в конце концов любой патристизм вырождается в шовинизм); главный недостаток этой книги в том, что автор слишком серьезно к себе относится...

Но, увы, судьба этих ключевых для своих эпох трудов принципиально различна. Шпенглер был издан-переиздан. Данилевский до 1991 года — нет. Чего переизданию препятствовали вполне идеологические обстоятельства, ясно и без объяснений автора послесловия.

НА СЕВЕРНОМ Мязют какие обстоятельства? Аксаков купил усадьбу Абрамцево — в пятидесяти верстах от Москвы, по соседству с Сергиевым Посадом. Здесь на шестом десятке он начинает диктовать свою первую книгу. В ее названии будет слово «записки». На обложках следующих книг появятся слова «воспоминания», «хроника», «история»... «Я могу писать, — скажет Аксаков, — только стоя на почве действительности, идя за нитью истинного события...»

«Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Записки об ужении рыбы» — все эти известные книги созданы под непосредственным воздействием деревенской тишины, «разнообразной природы» Подмосковья, — с гордостью сообщает путеводитель по Абрамцеву. А земляк Аксакова из Приуралья неожиданно и резко возражает: «Как ни прекрасны в своей светлой грусти окрестности Абрамцева и все Радонежье, где Сергей Тимофеевич прожил большую часть своей жизни, — нет у него ни строчки об этих местах...» Не отголосок ли это древнего спора о родине Гомера? Что ж, Аксаков родился в Уфе (и было это двести лет назад), в детстве и молодости жил в Оренбургской губернии, многие его литературные замыслы выросли из тамошних впечатлений. И почему бы, действительно, не попытаться в порыве нынешнего энтузиазма перевести писателя под исключительную юрисдикцию Приуралья?

Но вчитаемся в неторопливую аксаковскую прозу: «На зеленом цветущем берегу, над темной гладью реки или озера, в тени кустов, над шатром исполинского осокора или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплывки ваши, — улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Вместе с благовоном, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувств, снисхождение к другим...» Где эта душевспасительная река, где этот воздух умиротворения — в дальнем Заволжье или в ближнем Подмосковье? Но разве у нас задачка на вычитание? И разве перед нами краевед-фенолог, а не большой национальный писатель? И почему бы наконец не воспользоваться многозначительной подсказкой самого Аксакова (из письма к Гоголю): «Я затеял писать книжку об ужении не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще»!

КОГДА в Москве, как просеку в лесу, прорубали Новый Арбат, чтобы черные кремлевские пилуэны могли без помех уноситься к дачам — через город навывлет, справа на обочине уцелела одинокая церковь Симеона Столпника, где на долгую семейную жизнь венчались Сергей Тимофеевич Аксаков и дочь суворовского генерала

Фото Владимира БОГДАНОВА
и Анатолия ХРУПОВА

Ольга Семеновна Заплата. Их дети, прежде всего сыновья Константин и Иван, по-своему продолжают литературное дело отца. То «русское чувство», которое приведет их к славянофильству, было воспитано в родительском доме. И здесь же, кстати, воспримут они так трудно дающуюся терпимость к чужим убеждениям.

Но пусть и в разъяренной сече
Ты чтешь достойного врага...

— напишет Константин Аксаков.

Потрясение, вызванное смертью отца, рано свело его в могилу. Иван Аксаков намного пережил брата. Когда он умер, его называли «последним славянофилом». Историк Д. А. Корсаков подчеркивал: «...это был сильный боец и цельный характер. Невольно сжимается сердце при мысли, что на смену исчезающих сильных русских людей являются «мошки да букашки».

ЧЕРЕЗ ОДИННАДЦАТЬ лет после смерти С. Т. Аксакова опустевшее Абрамцево приобрел крупный промышленник и меценат Савва Мамонтов. При нем здесь возник знаменитый Абрамцевский художественный кружок. Дом, где прежде бывали Гоголь, Тургенев, Щепкин, Хомяков, братья Киреевские, теперь объединил людей, с которыми связан новый взлет русского искусства. В Абрамцеве работают Врубель, Суриков, Серов, Коровин, Нестеров, Поланов... Об этом счастливым времени Мамонтов скажет, что в доме витал «дух старого Аксакова».

В. РАДЗИШЕВСКИЙ